

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ
Золотой ключ,
или Похождения
Буратины

La Comédie inhumaine

Книга 2

Золото твоих глаз,
небо её кудрей

Часть

2

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

СОДЕРЖИТ
РЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ

Золотой ключ,
или
Похождения Буратины

La Comédie infernale

ГОРОДЕЦ

ФЛЮИД

Москва • 2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6
КТК 610
X 20

Харитонов М.

X 20 Золотой ключ, или Похождения Буратины. Книга 2. Золото твоих глаз, небо ее кудрей. Часть 2 : [роман]. — М. : ИД «Городец-Флюид», 2020. — 448 с. — (Книжная полка Вадима Левенталя).

Во второй книге «нечеловеческой комедии» Михаила Харитонova продолжаютcя приключения полюбившихся читателю героев, однако обстоятельства осложняются охватывающими героев страстями. Карабас бар Раббас сходитcя с прекрасной поняшей, электрический кот четвертой модификации Базилио Супермарио Кроссоверо переживает сложное и в чем-то безысходное чувство к Алисе, крокозитроп Розан Васильевич ищет способ продлить свой род... Также вторая книга знакомит читателя с цивилизацией и философией рыбонов, объясняет, наконец, как работает *тентура* и какую зловещую роль в событиях саги играет полковник Барсуков.

ISBN 978-5-907220-02-7

© М. Харитонов, 2020
© ИД «Городец-Флюид», 2020
© П. Лосев, оформление, 2020

Горе тебе, Вавилон,
город крепкий!
Откр. 18:10

КНИГА ВТОРАЯ

**ЗОЛОТО ТВОИХ ГЛАЗ,
НЕБО ЕЁ КУДРЕЙ**

ЧАСТЬ 2

Действие сорок первое

*Deus ex machina, или Буратина спасается от верной гибели
и ненадолго обретает кусочек счастья*

Он поднял испачканный в чернилах нос и в темноте различил висящую под потолком вниз головой летучую мышшь.

*Толстой А. Н. Золотой Ключик, или Приключения Буратино. М.: АСТ, 2008.
(Серия «Классики детям»).*

Я чёрная моль, я летучая мышшь.

*Мария Вега. Институтка // Воынцева М. М. (Мария Вега). Свободный Париж.
М.: Митридат, 1991.*

1 января 313 года от Х.

Страна Дураков, междоменная территория.

Законсервированная военная база «Graublauichtung».

Ближе к вечеру.

Current mood 1: *gloomy / невесёлое*

Current music 1: *REM — Everybody Hurts*

Current mood 2: *ecstatic / оооо!!!*

Current music 2: *Скрябин — Поэма Экстаза*

Current music 2.1 (для нелюбителей Скрябина):

Мамбо Джа — Попробуй Клей Момент

Буратина лежал — точнее, полусидел — в воспитательной комнате и пырился на свои потроха.

Ну нет, не то чтобы они вот прямо вываливались из него. Как обычно вываливаются внутренности, гадким сизым клубком. Зачем такие ужасы. Просто в открытой ране их было видно.

Деревяшкин гадал по ним, сколько ему жить осталось.

Пока выходило, что время ещё есть. Крупные сосуды не задело. Кровь сочилась, скапливаясь в брюшной полости, но медленно. Из раны

пахло, конечно. Но не сильно — так, слегка тащило кисленьким. Даже дерьмом не воняло: израненные кишки бамбука были чисты, ибо пусты. Но Буратина не заблуждался. Рано или поздно запах приобретёт тошнотно-сладковатый оттенок: потрошочки начнут подгнивать, выделяя знойный кадаверин и путресцин. После этого — к тому времени наш герой, небось, уже окочурится — завоняет конкретной тухлятиной. А также плесенью и ношеной обувью: это связано с особенностями некроза тканей растительной основы. Потом — долгое разложение. Буратинье тельце наполнится специфическими червячками, опарышами и ксилофагами. *Камышовый сверлило* и *луковый точило* не преминули бы отложить яйца в плоть деревяшкина, случись это на исходе лета. Но — не сезон! Так что, если труп не выкинут и его не съедят иные насекомые, то возможна частичная мумификация останков. Они тоже будут пахнуть. Как? Наверное, как гнилая коряга.

Впрочем, не стоит преувеличивать. Про *сверлило* и *точило* Буратина понятия не имел. Судьба собственного трупа его мало волновала. Просто — ведь нужно же о чём-то думать, ожидая кончины?

Бамбук не рыпался, нет. Жажда жизни, столь свойственная ему, на этот раз не пробудилась. Наверное, потому, что даже он понимал: рыпаться нет смысла. Всё, приехали.

Мучений особых он тоже не испытывал: иннервация живота бамбука устроена иначе, чем у хомосапых. Просто ему постепенно становилось хуже и хуже.

Самое обидное было в том, что всё случилось исключительно из-за глупого любопытства Мальвины. И услужливой расторопности Артемона.

В сущности говоря, допрос был терпимый. Ничего вот прям ужасного Мальвина и Артемон с Буратиной не делали. Нитраты на раны ему не сыпали, кипяток в дышалку не заливали, бамбуковую оболочку от мяса не отдирали. Даже по яичкам били довольно аккуратно, без цели размозжить. Прочие же штучки для хомосапых — битё по пяткам и по печени, выворачивание конечностей, прижигания и тому подобное — на Буратину действовали слабо. Нет, он изо всех сил пучил глаза и орал что есть мочи. Но про себя думал: «Фигня, потерпим». Единственное, что его всерьёз напрягло — когда Артемон раскалённым гвоздём выжиг ему на жопе слово «жопа». Это было больно и тавтологично. Второе Буратину волновать вроде бы не могло, он и слов-то таких не знал. Но ощущение какой-то пошлости осталось.

История, рассказанная Буратиной, вызвала у Мальвины и Артемона что-то вроде доверия. Во-первых, она была насыщена подробностями, которые придумать сложно. Во-вторых, Буратиний рассказ о Карабасе походил на правду. В-третьих, деревяшкин орал очень убедительно, но показаний не менял.

В конце концов Мальвина решила, что Буратина — действительно тот, за кого себя выдаёт. Остался, правда, вопрос, зачем неведомые силы с Поля Чудес отправили его сюда и нет ли в этом какого-нибудь хитрого, коварного плана. Но проверить такое можно было лишь одним способом — оставив бамбука в живых и посмотрев, что из этого получится.

И всё кончилось бы хорошо. Если бы уже под конец процедуры Мальвина не вспомнила о маленькой и чрезвычайно острой пиле, которую Артемон недавно где-то надыбал. И решила опробовать её на теле.

Мальвина сказала — «опробовать». Но старательный Артемон взял пилу и пару раз со всей силы провёл по животу бамбука. И очень удивился, когда тот заорал совсем уж непотребно, а полотно пилы окрасилось красным. Пила оказалась настолько острой, что вскрыла брюшную полость деревяшкина в два счёта.

Мальвина отругала Артемона и призвала лекарей. Сова осмотрела пациента и сказала, что в случае успешной дезинфекции и зашивания раны она могла бы помочь выздоровлению целебным массажем. Жаба предложила облегчить пациенту предсмертные муки разговором об экзистенциальной значимости факта конечности существования. Богомол-травник посоветовал смазать края раны мазью на основе сока козлотородника, смешанного с пюре из жабьих глаз и слюны трубказуба. На вопрос, откуда взять слюну трубказуба, богомол только лапками развёл.

Буратина включился в дискуссию и попросил зашить живот. Артемон позвал портных. Те взялись было за дело, но выяснилось, что иголки ломаются о бамбуковую кожу. После того, как сломалась вторая, Мальвина решила, что жизнь какого-то приبلудного доширака не стоит проблем с платьем и бельём. Подумав ещё секунду, она пришла к выводу, что бамбук ни к чему не пригоден. Даже к мучительной смерти. Буратина же ни в чём перед ней не провинился, — а поэтому его муки не доставили бы ей настоящего удовольствия. Так что она встала и ушла, не дав никаких распоряжений. Остальные тоже покинули помещение. И на всякий случай заперли: мало ли. Хотя это была излишняя предосторожность: бамбук, пока сидел, сильной боли не испытывал, но при попытках двигаться рану словно обжигало огнём.

Кровь тихо сочилась, наполняя живот. В глазах медленно темнело. Отовсюду раздавался какой-то шорох. Тонкая ниточка, связывающая меркнувшее сознание Буратины с реальностью, потихоньку растягивалась.

Так что Буратина совсем не удивился, когда увидел глюк.

Глюк напоминал бэтмена, только какого-то странного — маленького, со звериной мордочкой. Он висел вниз головой под потолком и тихонечко шевелился.

— Тебе чего? — наконец сказал Буратина.

— Мне? — удивилась галлюцинация. — Есть какие-то предложения?

— А я почём знаю, — вздохнул бамбук. — Я помираю вроде.

— Вижу, — сказало существо. — Я, собственно, за этим. Ну то есть не за твоей смертью, а наоборот. За твоей жизнью то есть. Тьфу, тоже не то. Что за идиотский язык! Вот суахили...

— Ты кто? — спросил Буратина.

— Мимолётное виденье, — ответило существо. — Можешь называть меня летучей мышью.

— Откуда? — Бамбук почувствовал, что во рту у него пересохло, а язык деревенеет. Он попытался слотнуть, но не получилось.

— Я откуда? Из краёв тех счастливых, где зре-е-ют оливы, — пропела мышь. — А вообще-то из канона, — не вполне понятно ответила мышь.

Страдающий доширак замычал. Мышь недовольно качнулась.

— Видишь ли, Буратина, — сказала она. — Мне с тобой сложно общаться, так как ты не осознаёшь свой онтологический статус. Для начала: ты находишься здесь очень условно. Хотя и реально. Но в действительности ты исполняешь роль коллективной галлюцинации для двух других героев. Исполняешь ты её скверно. И от этого страдаешь. Но и это, в общем-то, лажа, потому что на самом деле ты вообще нигде не находишься. Ты — литературный персонаж и живёшь внутри книги. Эта книга, в свою очередь, восходит к другой книге, которая по отношению к ней является каноном. На самом деле — весьма относительным каноном. Так как она сама является вольным пересказом ещё одной книги, написанной гораздо раньше. Каковая книга была создана автором, жившим и умершим как раз в том самом краю с оливами. Каковой край обретался в ещё более странном и любопытном мире. Каковой мир, в свою очередь, находится в... эй, эй, ты живой?

Буратина с огромным трудом открыл глаза. Нудные разглагольствования и кровопотеря вызвали у него короткий обморок.

— Ну чё ещё? — мрачно сказал он: боль в животе понемногу усиливалась.

— Теперь обо мне, обо мне, — продолжила словоохотливая мышь. — Кто я? Я — рояль из кустов, летящий на крыльях ночи. Я чёрная моль, я — *deus ex machina*. Я играю роль волшебного помощника по Проппу. Правда, в лайт-варианте. В более серьёзных сочинениях эту роль исполняют более серьёзные существа. У Толкиена, к примеру, были орлы. А в кельтских сказаниях...

Тут Буратина отрубился снова.

Из обморока его вывело похлопывание крыльев по щекам.

— Извини, увлеклась срыванием покровов, — сказала летучая мышь, сидя у него на коленях. — Давай по нашим делам. Ты жить хочешь?

— Ну как бы да, — без особой надежды сказал Буратина.

— Не нукай. Это неочевидно. Жизнь полна страданий. Сейчас у тебя появится возможность избавиться от них. Ненадолго, зато навсегда.

Как бы ни был плох Буратина, но ему всё же показалось, чтомышь говорит что-то неправильное. Но что именно — на этом он сосредоточиться уже не мог.

Мышь протянула ему какой-то предмет. Приглядевшись — со зрением уже начались серьёзные нелады, — Буратина увидел что-то вроде свинцового тубика. Что-то подобное он видел в ИТИ.

— Здесь, — торжественно сообщиламышь, — очень редкий артефакт Зоны. Он называется «момент». Образуется на краях аномалии «комус». Неинтересно? Ладно, пропускаем. А вот теперь слушай внимательно. У «момента» есть два полезных свойства. Первое — он склеивает любые поверхности. Второе — если дышать его парами, то можно обрести блаженство. Смекаешь?

В брюхе Буратины что-то неприятно булькнуло и сжалось.

— Сейчас я сделаю операцию на твоём животе. Работа муторная, у тебя там кишки пораненные. Придётся повозиться. Будет больно. От боли ты будешь дёргаться. Так что подышать «моментом» тебе придётся. Другой анестезии у меня для тебя нет. Тут пакет найдётся? Нет? Ну вот так всегда. Хорошо хоть я захватила.

Мышь извлекла непонятно откуда нечто белое, шуршащее. На нём можно было разглядеть невнятную картинку с цифрой «5» и полустёртую надпись «Самые близкие низкие це...»

— Так-так-так, — защёлкала языкоммышь, примеряя к Буратиной башке пакет. — Нос мешает. Извини, отгрызу.

Бамбук был крепок,мышь грызла его долго. Буратина снова потерял сознание, на этот раз основательно.

Как именно он вышел из этого состояния, бамбук не запомнил. Ему это было, в общем-то, и неинтересно. У него были дела поважнее — и более даже чем.

Кусочек счастья

Буратина возлежал на роскошной подстилке. Вокруг него лежали бесконечные половики и циновки, уставленные яствами — комбикормом и сладким маргарином.

Рядом с ним лежала Винька-Пунька из вольера. От неё пахло течкой. По такому случаю куцый хвостик её был украшен огромным бантом — ведь она предназначалась в приятное благообание САМОМУ БУРАТИНЕ!

Увидев, что он пробудился, она распласталась перед ним и принялась бережно и нежно вылизывать ноги его.

— Хватит, хватит, — недовольно проворчал Буратина и ударил Виньку прямо по морде, ударил жестко, чтоб выбить кровяищу и соплю.

Винька-Пунька обратилась в Чипа. Он валялся, как смешной дурак, бля, и каялся, что обижал Буратину и не подпускал его к корму.

— Хозяин, — сквозь слёзы шептал он, — я провинился, забей меня, я всё равно не смогу жить, если ты недоволен.

— Заткни пасть, деф, — с удовольствием сказал Буратина. — Мне нравится тебя бить. Ты хуй и звать тебя никак. А я Буратина! Буратина-Буратина!

Он вообще-то помнил, что Виньки-Пуньки давно нет. Да и Чип тоже окончил жизнь в биореакторе. Но сейчас они были здесь и вели себя как подобает. Буратина решил оставить им их нелепые жизни, чтобы делать с ними всякие смешные вещи.

Жалкий, ничтожный Чип тем временем подполз к Буратине и стал умолять, чтобы тот обкончал ему рот. Но Буратина пренебрёг и потребовал Гаечку, чтобы ебать её на глазах у Чипа, бля! ЕБАТЬ её, бля!

Гаечка тут же и возникла, с готовностью раздвинула мохнатые чресла. Буратина ей ка-ак ВСАНДАЛИЛ! Гайка только хлюпала, а Буратина ещё и поджопники ей давал! Чтобы та знала своё место, скобейда побатая! А Джузеппе Сизый Нос — и он тут был! — за каждый поджопник начислял Буратине миллион баллов за соцприспособленность. А потом схватил себя за ногу и разорвал себя напополам, потому что баллы кончились.

Винька-Пунька тут же кровь заподлизала — дефка драная, скобейда, бля, ничтожество, да он бы миллион таких выебал бы, если бы только пальцем пошевелить изволил. Но чтоб никто не сомневался, Буратина всадил и ей, и ей! — а для полноты ощущений оторвал себе нос и вбил Виньке между лопаток. Та агонизировала, култыхая внутренностями Буратиний сладкий колышек! А, блядь, какой там колышек! Он был так огромен, что проткнул падлу насквозь и вышел через глаз, через ГЛАЗ!

Это было дико ржачно, и все вокруг — множество их толпилось во круг, дышало! — разразились угодливыми хохотками.

— Я срать ебал! — вскричал Буратина.

То была великая мудрость, и все тут же встали, чтобы он охуячил их всех ногою за тупизм и бессмысленность. Он это и совершил — одной ногою с разворота ВЪЕБАШИЛ всем самкам по пёздам позорным, по склизким, гадким. Бля, с размашенции! Самцам он разбил все яйца, так что они уссались кровью и околели на месте. Бляяя! И как же это было запиздато!

Буратино аж застонал от кайфеца, выжрал БИДОН сладостно-сладкой водяры и всех РАЗМУДОХАЛ прямо в зад! И закусил огромной пачкой маргарина!

О, пиздец это что было такое! Такое-растакое!

Но нет! Это была ещё не самая зупа! Самая зупа его ещё только поджидала. Буратина пока не знал, что она такое, но предчувствовал её, трепеща. В смехе, в глазах и в пульсации вен — он ощущал, как размыкается

постылый круг слепого бытия, как ебитская сила переполняет его, как, бля, кровь кишки распидарашивает — ге! ге-ге!! ГЕ!!!

Тут он заметил летучую мышь, парящую в отдалении и наблюдающую за происходящим без всякого удовольствия.

Мышь была лишней. Она не вписывалась в прорисовывающийся мир торжествующего буратинизма.

Бамбук вытянул шею, оказавшуюся вдруг необычайно длинной, и попытался схватить мышь зубами. Та ловко сдригнула и пропала. Буратина зарычал: это была неудача, а в ЕГО мире неудач не должно было быть вовсе. Не должно и всё тут, етить ты через коромысло, в три погибели ебя — мать твою ети раз по девяти, бабку в темя, деда в плешь, а всякому блядину сыну сунуть хуй жеребчий в спину и потихоньку вынимать, чтоб ты мог понимать, как ебут его мать, чмо дефолтное!

О да! ДААА!! Надо, надо было кого-нибудь срочно унасекомить!

Буратина напряг свою мощь, свою Буратинью силищу! И тут же — защемило! взрокотало! подкинуло! Блядь, под страшное рыгалово в рот ебучее, в самое жорло горлованное — перед ним распластался-растрескался Пьеро: сучила блядская, конява, залупыдрыш! И приник к ногам владыки и хуюшке-хую его! И тут же отсосал, всё глотая покорно, а потом ещё облизал Буратине ноги, облил их слезами, вытер волоснёй и трепетом ресниц осушил. Но этого всего было мало, мало! Буратина перевернул мелкого говнюка и потоптал Пьеро ногами, блядь, ногами, блядь, ногами! Отчего тот стал совсем плоским, скукоженным — а Буратина вознёсся, вознёсся, вознёсся над ним, КАК ДОЧКА-МАТЕРЬ над ничтожеством сирым и сратым!

— Вот так-то, скобейда! — надсмеялся над ним владычествующий Буратина, плюнув в пуп и пнув, — и, откинув крылья — нет, рванув крыльями! откуда-то они у него взялись! (а может, были всегда?) — огромные, золото-пурпурные, от горизонта до горизонта, невыразимые плёзги сиянья, алмазного кристального опиздененья — взметнул, вымахнул себя ввысь, в сиятельнейшие небеса.

На какой-то блаженный миг он увидел рай, испещрённый невероятными флагами! знамёнами! стягами! облаками! ароматами!!!

— и донеслись-донеслись до него до него

вечные крики

звериные рёвы

молитвословья и восторги

и обильные ЭКСТАЗЫ

в честь Буратины-Буратины!-Буратины!!!

БУРАТИ

...И вдруг всё рассыпалось.

//

— Н-да, — вздохнула летучая мышь, стаскивая с Буратины пакет. — Ну как тебе?

Буратина с трудом осознал, что он снова здесь — в этой скучной, серой, бессмысленной real life. Сердце сдавило. Он шмыгнул обломком носа и пустил соплю, прозрачную и грустную, как песня оленевода.

— Понятненько всё с тобой, — сказала мышь. — Хотя странно: ты вроде неглупый парень, кое-что повидал. А ценности и желания... Ну ладно, у других не лучше. Но форма, форма! Это какой-то позор. Фу таким быть!

Бамбук слушал эту нудятину и воображал себе блаженный город с песнями и флагами. Ему очень хотелось туда снова, очень-очень.

— Хочешь обратно? — поняла мышь. — Это можно. Десять капель «момента», и ты там. Только один нюанс: обратно не вернёшься. Прокайфуешь денёк-другой и помрёшь. Как тебе перспектива?

Бамбук любил кайфец, но благоразумие было ему не чуждо. Жить всё-таки хотелось, и хотелось сильно. Он тяжело вздохнул и пролил ещё одну соплю — из другой ноздри, — прощаясь с мечтой.

— Ну хоть так, — скептически сказала мышь. — Ладно, хватит с тебя. Я свою работу сделала. Посмотри.

Буратина проморгался, потом посмотрел на свой живот. Он казался целым — если бы не полоска на пузе.

— К утру заживёт, — обнадежила мышь. — Теперь вот что. Тюбик с «моментом» я тебе оставляю. Пользуйся с осторожностью. «Момент» сохнет за пять секунд. Сам не приклейся. Если приклеился — нужно жидкое мыло и артефакт «димексид». Больше ничего не помогает. Если опять кайфа захочется — в пакет не добавляй больше трёх капель. Хотя нет, — передумала она. — Если тебе сейчас оставить — сторчишься за ночь. Да и спрятать его некуда. Надо тебе какую-нибудь одежду, что ли. Обязательно с карманами. Ладно, посмотрим. Ты всё понял?

— Угу, — буркнул Буратина.

— Не угай. Завтра ночью мы опять встретимся. Я постараюсь тебя отсюда увести. Ты снова увидишься с котом и лисой. Сделай то, о чём они попросят. Тогда всё будет хорошо. Au revoir.

— Покеда, — успел сказать Буратина, когда мышь исчезла — одним чпоком, как бы схлопнувшись внутрь себя.

Бамбук почувствовал, что очень устал. Захотелось спать. Не как под «моментом», а по-настоящему.

Он осторожно, чтобы не разбередить рану, вытянулся на своём неудобном ложе. Подложил под головёнку деревянную ладошку. И стремительно отрубился.

Addenda et corrigenda: плоды эволюции и капля пронизательности

Камышовый сверлило и луковый точило — разновидности древо-точцев. Невзирая на дохомокостные нишевые названия, эволюционировали в сторону неразборчивости. Теперь охотно жрут что попало, включая морёный дуб, и откладывают яйца в любую подходящую субстанцию. За счёт чего и процветают.

Но ощущение какой-то пошлости осталось. — Пронизательный читатель, верно, уже и сам догадался, что это чувство навеялось алгоритмами реализаций абстракций Парсиваля. К коим Буратина имел неограниченный доступ — и наоборот.

...пиле, которую Артемон недавно где-то надыбал. — И не так уж трудно сообразить где.

Действие сорок второе

*Сарбакан, или Алиса в смущении созерцает Не Что Иное,
а также множество других занятных вещей и явлений*

Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же. Истина — это не бытие и не ничто, она состоит в том, что бытие не переходит, а перешло в ничто, и ничто не переходит, а перешло в бытие. Но точно так же истина не есть их не-различённость, она состоит в том, что они не одно и то же, что они абсолютно различны, но также нераздельны и неразделимы и что каждое из них непосредственно исчезает в своей противоположности. Их истина есть, следовательно, это движение непосредственного исчезновения одного в другом: становление; такое движение, в котором они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь же непосредственно растворилось.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль. 1970 (Серия «Философское наследие»).

Небеса раскрылись, и творение, что ниже неба, осветилось, и весь мир вокруг меня содрогнулся.

Апокриф Иоанна // Свенцицкая И., Трофимова М. Апокрифы древних христиан. М.: Мысль, 1989.

Вроде бы всё ещё 30 декабря 312 года от Х.,
хотя есть сомнения. О времени суток сказать вообще нечего.
Страна Дураков, Зона, Поле Чудес.

Current mood: weird / неотсюднее

*Current music: Магнус Пруст — Мёртвая
Рука, вступление*

Темнота, темнота, и ти ш и мно та те на пот о м скр ип те мно ну та
ло, и лиса об ре ла слух. И вся обратилась в него.

Тьма наполнилась каким-то жужжанием, гуденьем, переборами коленчатой тьмы, огромным слепым гулом, будто гигантский рой мошек мчался прямо на Алису. Та на всякий случай пригнулась, закрыла лицо руками и поджала ушки и хвостик — а вдруг это и в самом деле мошки и они сейчас полезут ей во все места. И набьются туда, и её искусают.

Её окружил призрачный элизиум теней, где каждый бормотал своё. Алиса осторожно подняла ушки, попытавшись расслышать и хоть что-то понять —

...я — кейф, он — фейк, он апостол, а я — апостроф; посему я — третий, как Рим, как Рейх, а он — кольский, как полуостров... — зазудело в ухе, и тут же кто-то запищал пронзительно и фальшиво:

— Цурюк! Цурюк! Пиздук — тук-тук! Я самый искренний ваш друг! Я самый преданный ваш враг, как Пастернак, пиздак-так-так!

— Вот паршивое яйцо заваливающее, а бывает ведь лицо настоящее... — протянуло наперерез всему вышесказанному — конским, блядским голосом.

— Постельное бельё... Для мам и малышей... — занудело что-то приторно-гнусавое. — Постельное бельё — лежи и хорошей! Постельное бельё, последнее бабё, соборно мы её туда-сюда ё-ё...

Лиса прижала уши. Голоса не исчезли, но изменились — пищание подзаглохло, зато заметней стали басовитые:

— Хочешь похудеть — спаси меня, как товарищ! А не хочешь здесь — с тобою кэша не сварить! Цены на урюк, хлеб, труд — растууют... — прогудело и растаяло вдали.

— Singen und klingen, singen und klingen, — so-so, la-la, so-so, la-la! — вторглось чьё-то тяжелозвонкое скаканье-плясанье.

— Уебу в мармаляву, считай на халяву, по доступной цене уебу в мармаляву... — попытался прорваться кто-то ещё, но его заглушило как-то совсем уж бессмысленное реготание.

— Да замолчите вы все! — не выдержала лиса.

Голоса как обрезало. Наступила тишина — мёртвая, беззвучная, ватная.

Потом с размаху хлопнула дверь. Шаги, шаги, гневные шаги просветели мимо неё. То был Базилио, оскорблённый, разгневанный, и он шёл в страшное никуда.

— Пойдите, — раздался голос крокозитропа. — Подождите!

Алиса наконец поняла, где она и что происходит. Она была в «Трёх пескарях», и все несчастья случились из-за неё, из-за глупого предёши и рава нысья под дверь ю.

Лиса зажмурилась и помотала головой. На Поле Чудес слова и мысли имели манеру рассыпаться на кусочки.

— Й-извините, — пробормотала она, садясь неизвестно на что. Впрочем, через пару мгновений оно оформилось как деревянное и удобное для сидения.

— Не переживайте, Алиса, — неожиданно мягко сказал крокозитроп. — Вы не виноваты. Никто не виноват.

— Это всё *тентура*, — вспомнила лиса следующую реплику.

— Да, это всё *тентура*, — печально повторил Розан Васильевич.

— Это мне кажется, или вы правда умерли? — решила уточнить Алиса.

— Да, я умер, — печально сказал крокозитроп. — Но видите ли, какое дело... Вы помните, что осталось от соковищницы дерева?

— Не помню... Яма какая-то, — сказала лиса.

— Вот именно. Призраки меня в ней похоронили. То есть бросили моё тело вниз и засыпали землёй. Не посмотрев, что там на дне. А там из-за взрыва артефактов образовалась редкая аномалия. Я даже и не знаю, как она называется. В общем, там внизу область ложно-попятного времени. Вот в неё-то я и угодил.

— Ложного времени? — не поняла лиса.

— Ложно-попятного, — строго поправил крокозитроп. — Любое время ложно, время — это и есть ложь.

— А пространство? — сама не зная почему спросила Алиса.

— А пространство есть сокрытие истины, — пояснил Розан Васильевич. — Видите ли, Алиса, истина есть точка, исполненная всего смысла. И есть две формы отрицания истины: не показывать истину или показывать ложь. Пространство устроено так, чтобы нельзя было видеть всё сразу, потому что одно находится в одном месте, а другое в другом. И это откид ума из себя. Время же подкладывает одно на место другого, и это прокид ума в себя. Я понятно объясняю?

Лиса подавленно кивнула. Это была какая-то философия, а в философских материях Алиса ничего не понимала.

— В общем, — заключил крокозитроп, — в ложно-попятном времени я ложно бытийствую, причём наоборот. Минус на минус даёт плюс, так что я в каком-то смысле существую. Но не живу. Это так... неудобно, — добавил он, с трудом подыскав слово.

— Неудобно что? — не поняла лиса.

— Не жить. Видите ли, у живущего много всяких возможностей. Он ими почти не пользуется, но они есть. А мёртвый... — он щёлкнул пальцами, — ничем не владеет. У нас даже чувств нет. Кроме чувства долга. Я, собственно, по этому поводу. Я вам должен, Алиса. И намерен закрыть хотя бы этот счёт. Если уж мне выпала такая возможность.

— Вы про деньги? — не поняла лиса. — Н-ну ладно...

— К сожалению, не про деньги. — Крокозитроп приподнялся с узенькой кочечки (оказывается, она была, и он на ней сидел) и принялся расхаживать по комнатёнке (которая тоже каким-то образом обнаружилась). — Слухи о богатстве мёртвых сильно преувеличены. К тому же я вам должен больше чем деньги. Я начал посвящать вас в тайное знание рыбонов. Помните?

Лиса на всякий случай сделала большие глаза.

— Значит, не помните. Даже про Софию Пронюю?

— М-м-м... в общих чертах. — Алиса решила не обижать мертвеца.

— В общих чертах?! — Розан Васильевич неожиданно рассердился. — Я вам открываю величайшие тайны мира, а вы вся такая — «в общих черта-а-ах»!

— Й-извините, но про величайшие тайны я не спрашивала, — сказала лиса твёрдо. — Я спрашивала про *тентуру*. — Она уже не стала добавлять, что задала этот вопрос только из вежливости.

— Ну вот именно. Но чтобы узнать, что такое *тентура*, надо знать, что такое Аркона. А для этого надо знать о Первом Небе. А для этого надо знать о рождении мира. А для этого надо познать природу времени и основания бытия. Обычно это требует усилий. Душевных, интеллектуальных. Но вам повезло. Вы всё увидите непосредственно сами. Учтите, это редкая возможность и огромная честь.

Лиса вздохнула. Даже она, при всей её житейской наивности, понимала, что если на какой-то товар или услугу набивают цену — то обязательно что-нибудь попросят взамен.

— Что я должна сделать? — спросила она прямо.

— Гм. Вы как-то очень сразу. Но в чём-то вы правы, зачем тянуть. Вы извлекли из моего тела сперматофор? Он у вас?

— Да, — сказала лиса, потянувшись рукой к животу.

— Нет, доставать не нужно. Я вам верю, — голос крокозитропа стал просительным. — Прошу об одном: положить его в Септимию.

— Хорошо, — сказала лиса. — Если отсюда выберусь.

— Ну да, ну да, — зачистил крокозитроп. — Но если выберетесь, пожалуйста, доберитесь до «Трёх Пескарей» и бросьте сперматофор в Септимию. За это я раскрою вам всё, что могу. Вы узрите тайны миров.

— А может, не надо узреть? — спросила лиса. Она подозревала, что ничего особенно хорошего она не увидит. — Может, вы просто расскажете? Ну, словами.

— Я буду давать комментарии по ходу дела, — сказал крокозитроп с таким видом, будто делает Алисе величайшее одолжение —

— и хлоп! — исчез.

Вместе с ним исчезло и всё остальное.

Лиса осталась одна посреди ничего — а там и её не стало.

Сперва не стало её самой: Алисы Зюсс, лисьей основы, двадцати одного года жизни, с APIF 8110, с правами человека. Всё это не то чтобы уничтожилось или забылось, нет — но перестало быть важным. Будто с глаза сняли соринку, которая казалась огромной, потому что приклеилась к зрачку.

Потом не стало того, что было ей — того глаза, того духа, который некогда принял вид её и образ. И он тоже не исчез совсем, но перестал заслонять собою всё.

Потом просветлело и истаяло то невидимое, из-за чего было то, что было ей, — сама основа её существования.

Потом — не стало и самого бытия как такового. Оказалось, и оно лишь покров.

На какой-то ничтожный миг она стала всем, потом — началом всего, а потом исчезла и сама идея начала, и явилось безначальное.

Которое было чистой НЕВЫНОСИМОСТЬЮ.

То, что осталось от Алисы, соприкоснулось с ЭТИМ на ничтожно малую долю мгновения. Но этого хватило. Она шарахнулась от ЭТОГО прочь, как коснувшийся раскалённого железа отдёргивает руку — не думая, сразу.

Нет, это была даже не боль. Это было то, что стояло за всякой болью. Бесконечное отрицание, отвержение, самая суть страдания. И причиной страдания было оно само. Оно *состояло* из страдания, оно состояло из ненависти к себе. Оно было проклятием, проклинаящим себя, ибо больше нечего было проклясть — так как ничего, кроме него, и не было. Не было и его самого, ибо оно было небытием, мучительным и вечным, и притом бесконечно отвратительным самому себе.

Имени у него не было. То есть было, но Алиса сразу же забыла это слово. И схватилась за описание: оно было НЕ ЧЕМ ИНЫМ, КАК ЭТИМ САМЫМ. Желало оно лишь одного — перестать быть ЭТИМ САМЫМ, стать чем угодно, но не собой, ну хоть в чём-нибудь, ну хоть на мгновение. Но ничего иного — не было и быть не могло.

И тогда ОНО САМОЕ, не в силах выносить самоё себя — *положило себе конец*. То есть — разорвалось, сжалось и лопнуло.

На самом деле это было единым действием, просто нет слова, описующего всё это разом. А также и того, что оно на самом деле не смогло этого сделать, потому что разорванные части начали изливаться друг в друга. И оно бежало — само в себя, само от себя.

— Греки называли это *прóбoс*, а латиняне — *emanatio*, но всё это одно и то же, — прокомментировал крокозитроп. — Суть же в том, что ОНО САМОЕ изблевало себя из уст своих же, ибо мучилось от отвращения к себе. И оно же испило свою блевоту, так как блевать оно могло только в себя. Это и есть Изначальное Время, — заключил он.

И лиса увидела и постигла Изначальное Время. Оно состояло из переливания пустого в порожнее — то, чего *ещё* не было, становилось тем, чего *уже* не было. Это был поток пустоты, плещущий из тьмы во тьму.

Но тут к нему потянулась Рука, которая удержала этот поток и скрутила петлёй. Ничто охватило ничто, сдавило его, и в этом месте начало разгораться багровое сияние.

— Изначальное Время состоит только из прошлого и будущего. Будущее, *вдавленное* в прошлое, рождает настоящее, — откомментировал крокозитроп. — Настоящее же есть чистая неопределённость, — добавил он назидательным тоном.

На какой-то миг Алиса увидела структуру времени: чёрную бесконечность прошлого, белую бесконечность будущего и алую полосу там, где белое втиснулось в чёрное.

Что-то вспыхнуло и осыпалась огненными искрами, и Алиса снова увидела Руку. Она продавливалась чёрное и белое внутрь красного, и там они распадались на точки, на чёрные и белые точки.

— Ты видишь сотворение Материи и Духа, — сказал Розан Васильевич. — Материя состоит из прошлого, оставшегося в настоящем, а дух — из будущего, явившегося в настоящем. Соединение их частиц порождает жизнь.

— А чья это рука? — не поняла Алиса. — Которая сжимает время?

— А вот об этом, — серьёзно ответил крокозитроп, — лучше не говорить. Но ты же понимаешь, что рука — это такая метафора? Время сжимает воля. Чья она — не нашего ума дело. Смотри дальше.

Рука проникла внутрь красного и там начала сжимать чёрное и белое. Точки начали сближаться, и наконец одна белая точка коснулась чёрной...

Пустоту расколол гром, сметающий всё.

И не стало страшных и скверных образов. Алису окружала смеющаяся вода, исполненная веселья и славы. Она видела эту воду, и вода была светом, и в каждой капле отражалась она сама, Алиса — но Алиса настоящая: вечная, лёгкая, совершенная. Она казалась себе живым зеркалом, готовым принять свет и отразить свет.

— Что это? — спросила лиса тихо и благоговейно.

— София Проноя, Провиденье, — так же тихо ответил крокозитроп. — Первое живое существо во Вселенной. Если быть совсем точным, она родилась через стоимиллионную долю планковского времени после начала Вселенной. Материя тогда была, гм, в несколько ином состоянии, чем сейчас. Собственно, в нашем понимании её и не было. И только когда распалось Единое Поле и гравитация отделилась...

— Оппаньки! Чем это вы тут занимаетесь? — подозрительно прищурилась Красная Королева.

— Да уж понятно чем, — буркнула лиса, поднимая крекер. — Я третий час его размачиваю, и где?

— Сейчас проверим. — Красная Королева взяла крекер, попробовала, хрустнула зубиком. — Действительно, безобразие какое-то. Кто хозяин заведения?

— Вот, — Алиса протянула Королеве чайник с варёной Соней на дне.

— Собственно, это мой партнёр, — поправил её Болванщик. — А так я владею частью бизнеса. Но за крекеры отвечаю не я, моё дело — создание атмосферы доверия.

Красная Королева легонько стукнула его по затылку, и Болванщик превратился в болванчика. Разница была не очень существенной, но полезной: болванчик стал безротым и оттого молчаливым.

— Атмосфера у них тут, — буркнула Королева. — Надо бы как следует проверить вашу сомнительную лавочку. Я ещё вернусь.

— Почему она нам мешает? — осторожно спросила Алиса крокозитропа.

— *Тентура* не любит, когда о ней много болтают, — ответил Розан Васильевич. — Вот и строит нам всякие пакости.

— А можно мне снова туда? — попросила Алиса. — Где вода смеётся?

— Уже нет, — вздохнул крокозитроп. — В нашей зоне Первая Мысль отсутствует. Говоря языком *тентуры*, после разделения единого поля взаимодействий она погибла. То есть нет, конечно. Это для нас одно и то же — перестать *занимать время* и погибнуть. Но тогда всё было не так. Время было пределом восприятия и действия. То есть существо не может воспринимать события до своего начала и после своего конца и участвовать в них. Но внутри отведённого ему времени оно существует вечно. Поскольку же София Проноя обладала предвидением, то в каком-то смысле она и сейчас есть...

— Я так и думала! Разговорчики! — крикнула Красная Королева.

— Вздор, — сказала Алиса и сделала последний глоток из чашки.

— Что вздор? Где вздор? — не поняла Королева.

— Везде, — пояснила Алиса. — Я не могу добиться элементарного обслуживания!

— Я этого так не оставлю, — пообещала Королева. — Но и к вам, милочка, есть вопросы. Вы разговариваете с мёртвыми, а это не благословляется.

— Диверсификация общения является неотъемлемой частью концепции клиентоориентированного бизнеса, — внезапно заявила Соня.

— Ах же ты скобейда дефолтная! — удивилась Королева, ухватила Соноу за хвост и с размаху приложила о подоконник.

От этого удара сломалось всё вообще. Лиса полетела спиной вперёд и внезапно впёрлась в хрен знает что. Которое, сцуко, ещё и разговаривало.

\\

Жёлтый фон. На нём — изломанная натрое молния, бьющая вертикально вверх, перечёкнутая жирной косой чертой.

Торжественно звучит начало святейшего песнопения «Владимирский централ».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Внимание! Говорит Хемуль, первая свободная территория Страны Дураков!

Крупным планом — лицо Вриогидры Морры, расплывающееся в розовом облаке под тревожащий аромат тетрациклиний.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Специальный новостной выпуск! Целиком посвящён бывшей Директории!

В кадре появляется студия А: помещение с панельными стенами ярких цветов. В центре ведущая — небольшая пупица: розовая, в чёрных пупырях.

ПУПИЦА. Привет! Я Ньюка, и у меня для вас свежие новости.

Музыкальный проигрыш. Фон — картинки из Директории: очень темно, но видно движение большой толпы разнообразных существ.

ПУПИЦА (*за кадром*). Обстановка в Городе Дураков, бывшей Директории, продолжает оставаться напряжённой.

Кадры: очень темно, но видно движение большой толпы разнообразных существ.

ПУПИЦА (*за кадром*). По неподтверждённым данным, в ночь на пятое января контрольно-пропускные пункты и таможенные посты на евском направлении были прорваны многотысячной толпой эмигрантов, желающих попасть в Город Дураков.

Кадры: Лэсси Рерих крупным планом.

ПУПИЦА (*в кадре*). Однако руководительница губернаторской Службы Безопасности Лэсси Рерих это опровергает. По её словам, при всей сложности ситуации город успешно справляется с наплывом пришельцев.

Кадры меняются: темнота, вспышки, дикие вопли. Крупным планом — отрубленная лапа птичьей основы: красная, гадкая.

ПУПИЦА (*за кадром*). В Евске мигранты-индюшки устроили погром в местах компактного проживания индеек. Использовалось холодное и тесла-оружие. Сведения о жертвах уточняются.

Очень чёткая картинка: разнообразные существа, столпившиеся у шахты лифта и выкрикивающие в неё ругательства.

ПУПИЦА (*за кадром*). Лифтовое хозяйство Города Дураков парализовано массовой забастовкой ленточных червей — рабочие демонстрируют солидарность с их безработными соплеменниками, требующими бесплатно обеспечить их организмами-хозяевами размерами не менее злопипундрия.

Снова лифтовая шахта. Едет кабина. Что-то скрежещет и хлопает.

ПУПИЦА (*за кадром*). В связи с чем цена на лифтовые паровики выросла в четыре с половиной раза.

Заставка: колбы, пробирки, кусочки тканей в чашках Петри.

ПУПИЦА (*в кадре*). Институт трансгенных исследований получил грант на выведение большой партии котегов для проверки боевых навыков будущих бойцов Нацгвардии.

Официальный портрет: гиена в фуражке с огромными парадными клыками.

ПУПИЦА (*за кадром*). Начальница Генерального штаба армии бывшей Директории Дженни Эренверта найдена мёртвой на взморье. По

официальной версии причиной смерти стало отравление — покойная, будучи бурой гиеной по основе, злоупотребляла падалью, в особенности не-свежими тюленьими мозгами. По слухам, Эренверта имела многолетние связи с рыбонами и собиралась просить у них политического убежища.

Крупным планом: стена, на которой чем-то бурым намалёвано:

НЕТ ГАВИАЛЕЙ

ЕБАТЬ ЕБАТЬ

Другой кадр, надпись на заборе:

ПЕНДЕЛЬШВАНЦ СКОБЕЙДА ВЕРНИСЬ

ПУПИЦА (за кадром). Общественные настроения в Городе Дураков...

//

...смыло разом, ну просто разом смело.

— Алиса, очнись, — сказал Базилио. — У нас проблема.

— Я заметила, — пробормотала лиса, открывая глаза. — У меня голова чем-то набита. Мне показывают разное.

— Кто? — деловито спросил кот. Он стоял на фоне кроваво-синего заката, весь такой породистый, и держал её на руках.

— Крокозитроп, — сказала лиса. — Он умер, но не весь. А может, весь, но не совсем. Или совсем, но не полностью. В общем, ему кое-что от меня нужно, и он мне за это всякие вещи объясняет.

— Мне он тоже кое-что обещал объяснить, — заметил кот. — Тайное рыбонское знание.

— Вот его-то, — вздохнула лиса, — он мне и пихает. Хотя его всё время прерывает эта... Красная Королева. И ещё какая-то ерунда из Хемуля, про ленточных червей... Слушай, — внезапно сообразила она, — а мы-то с тобой тут что делаем?

— Соверен, совершен какой-то, а вот что за совершен — не помню, — признался кот. — Деньги мы, что ли, тут забыли...

— Точно не деньги, — уверенно сказала Алиса.

Кот не слушал: он мучительно, напряжённо, натужно мыслил.

— Для начала, — наконец выдал он, — нам нужно сесть и как следует помучма рить фон кей в ё чтю, о мн у, хо т ичм ил с нп аооб о я я ненад-рить е де лакак о му щеть...

Лиса, как обычно, встряхнулась, и мысли встали на место.

— Этого нам не позволят, — уверенно сказала она, вот только непонятно о чём и кому: смысл убежал, оставив по себе только трупик из слов. Да и кот, честно говоря, куда-то подевался.

— Ну конечно, всегда виноват кто-то другой, — ядовито заметил крокозитроп.

— Это вы о чём? — не поняла лиса, но тут её накрыл золотой купол.

Впоследствии Алиса задумывалась, почему она решила, что это купол — и что он золотой. То, в чём она находилась, не имело ни цвета, ни

формы. Но чувство было такое, что, если бы оно всё это имело, оно было бы похоже на купол и было бы именно золотым. Невидимый, но осязаемый — каким-то непонятным чувством — блеск наполнял его. Это было величие, мощь. И знание, знание. Купол был средоточием мудрости. Даже не вековой, нет, а какой-то запредельной. Здесь было всё, что можно знать — и всё обо всём, что можно знать, и даже то, чего знать нельзя, но если очень хочется, то всё-таки немножечко можно. И это была лишь оболочка, а там, в глубинах сияния, скрывалось что-то невыразимое, тайное, совершенное.

— Первое Небо, — сказал крокозитроп. — Вот так оно примерно и выглядит. Ну то есть воспринимается.

Лиса промолчала: золотая мощь подавляла её.

— Хммм, н-да, — Розан Васильевич грустно усмехнулся. — Вы совершенно не цените то, что видите, Алиса. А вот полковник Барсуков за право хоть одним глазком заглянуть сюда отдал бы очень многое. И, смею полагать, распорядился бы полученными сведениями с гораздо большей пользой, чем вы.

Алиса попыталась вспомнить, кто такой полковник Барсуков. И вдруг почувствовала, что может узнать о нём всё — достаточно обратиться к этому золотому свету. Она знала, что там есть ответы на все вопросы, в том числе и об этом самом Барсукове, всё до мельчайших подробностей, а также и о том, как связаны Розан Васильевич и Барсуков, и почему он вспомнил о нём именно сейчас, и о ней самой...

О ней самой. Лиса почувствовала, что золотой свет знает и о ней. Причём знает бесконечно больше, чем она сама. Прошлые и будущие её были запечатлены в этом золоте, всё, что с ней было и будет — а также и всё то, что могло бы быть при других обстоятельствах, а также и все обстоятельства, и всё то, на что она могла повлиять своим действием... и она потянулась к этому знанию, уверенная, что золотое сияние её услышит и поймёт.

Но ничего не произошло. Золотое сияние не ответило. До лисы донёсся лишь отзвук, тихое эхо, и оно было совершенно неразборчивым.

— Хотели *познать себя*? Понимаю. Я бы тоже не отказался, — грустно признал крокозитроп. — К сожалению, ни вы, ни я этого не можем. Наши запросы блокируются *тентурой*. Кстати, вы должны были спросить меня, где вы и что вы видите.

— Й-извините, — выдавила из себя Алиса.

— Не за что. Попробую объяснить. Когда ракушка умирает, остаётся раковина. Она может пролежать на дне очень долго. В ней даже может кто-то поселиться. И, конечно, она в известной мере повторяет форму моллюска, который в ней жил. Теперь представьте себе, что вы можете оставить после себя раковину сознательно. Разумные существа часто так делают. Например, пишут книги или совершают значительные дела. Так вот: это раковина. Она была создана Софией Пронией, пережила разрыв единого поля и рождение вещества. Здесь — всё, чем София была и что

София знала. Если же учесть, что София Проноя обладала провидением и видела прошлое и будущее этого мира, то можно сказать — здесь всё. Вплоть до знания о каждом существе во Вселенной и его судьбе. Это и есть Первое Небо.

— Зачем оно? — спросила Алиса.

— На сей счёт существует множество различных мнений, — глубокомысленно изрёк крокозитроп. — Люди считали, что в конце времён София родится снова, познает себя прошлую и соединится с ней. Вендобионты верили в то, что Первое Небо — дар всем разумным. Мы, губки, думали, что это мы должны её воскресить и сделать негибнувшей и бессмертной во всех временах. А трилобиты, насколько мне известно, полагали, что это — послание их виду. Они считали себя совершеннейшими существами во Вселенной. И были уверены, что Первое Небо откроется им. Когда они очистятся от недостаточно совершенных представителей, — добавил Розан Васильевич.

— И как, очистились? — заинтересовалась лиса.

— Даже слишком успешно. — Крокозитроп вытянул оранжевую трубу и сыграл на ней пару тактов какой-то печальной музыки.

— А кто-нибудь добрался сюда по-настоящему? — Алиса с тоской взглянула на золотое сияние.

— Ну вот я к тому и веду... Аркона...

— Ага! Попались! — закричала Красная Королева и пульнула в Розана Васильевича из преогромного сарбакана.

Крокозитроп внезапно раздулся и лопнул, а ошмётки провалились в тартарары.

Addenda et corrigenda: Теология и охота

...я — кейф, он — фейк, он апостол, а я — апостроф... — В современных русских словарях ударение в слове «апостроф» приходится на второе «о». Однако вопрос: а чем слово «апостроф» (др.-греч. ἀπόστροφος, «обращённый назад») так уж сильно отличается от слова «апокриф» (др.-греч. ἀπόκρυφος, «прежде скрытый», «потаённый»)? Вообще-то ничем. В древнегреческом оба слова имеют ударение на первое «о». Однако же в русском «апостроф» был заимствован через французский, а у французов все ударения в словах падают на последний слог. Вот такая, понимаешь, загогулина! Соответственно, кто чтит французов больше греков, должны говорить «апо-стрóф», а если наоборот — «апóстроф». Бесплотный дух, декламировавший стихотворение, был, вероятно, грекофилом.

Имени у него не было. То есть было, но Алиса сразу же забыла это слово. — Оно слишком непристойно, чтобы произносить его здесь. Поэтому мы используем принятый в *делоучении* эвфемизм: «не что иное, как

Оно Самое». Его также называют «невидимым духом, лишённым образа», ибо оно безобразно настолько, что на это невозможно смотреть. Греки же называли его «единое», чтобы не говорить больше.

Примечание. Кстати сказать, *крайне* не рекомендуется путать «единое» с «Единым». Эта теологическая ошибка может обойтись весьма дорого. Если по этому вопросу к вам прицепятся какие-нибудь ангелы, демоны, инквизиторы, администраторы или иные карательные инстанции, то запомните — в «едином» нет ничего хорошего, а в Едином нет ничего дурного. На том и стойте.

...пульнула в Розана Васильевича из преогромного сарбакана. —

Довольно часто используемое в Стране Дураков охотничье приспособление, иногда применяется и как боевое оружие. Представляет собой длинную трубку или полый стебель какого-нибудь подходящего растения, расщеплённый надвое и с вырезанными перегородками, а потом замотанный чем-то прочным. Предназначение — охота на мелких существ, а также пленение джигурды (для этого стрелы вымачиваются в снотворных и парализующих снадобьях). Используется чаще всего хомосапыми, особенно обезьяньими основами с хорошими лёгкими.

Действие сорок третье

*Амарилло, или Древняя электроника терпит поражение
от ласковых глаз*

Она лежала на красном кирпичном полу в помещении, выходившем на теневую сторону; в раскрытые окна виднелись переливавшиеся матовым блеском пальмовые леса, сбоку выглядывал краешек моря. Рядом с ней на полу стояла лоханка, полная окровавленной воды, висели наброшенные на стул перепачканные тряпки. Кроме этого, комната ничем не была обставлена. Мгновенной вспышкой нас пронизало сознание: над нею учинили насилие.

Герман Брох. Эсперанса // Герман Брох. Новеллы. Л.: Художественная литература, 1985.

Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвёт,
Любви, восторга слёзы льёт,
Зовёт её — но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь её подьмлет.

Пушкин А. С. Руслан и Людмила. М.: Лабиринт, 2013.

4 января 313 года от Х.
Директория, ул. Пятницкая, д. 31, стр. 2. Второй этаж, кабинет 201.
Утро — день — вечер.

Current mood: *careful / заботливое*

Current music: *см. ниже*

Ева Писториус — Карабасу бар Раббасу. Частное письмо. Черновик
Мой дорогой мой хороший
как-то глупо звучит зачеркни глупая мышка

я сказала зачеркни ты что совсем тупая позови Фриду Марковну
Любимый мой. Извини, что так вышло. Глупо получилось.
Я лежу глазами закрыты от стыда. Мне ужасно больно сердце.
Фрида исправляй ошибки!

Плохая мышь зачеркни всё что я говорю тебе а не диктую
Любимый мой
Любимый мой
Любимый,

я лежу на подстилке и плачу. Я ничего не могу сделать, слёзы текут
сами, отдельно от меня. Я пытаюсь лизать своё лицо.

Это всё, чего я могу. Больше ничего. На другое я не годна.

Я плохая лгунья, любимый. Я не могу тебя обманывать. И Львику
тоже. Я не могу сказать и сделать вам ничего такого, что вас утешит.

Оставь так, Фрида. А вот это зачеркни, Фрида.

Я хочу тебя, но я не могу. Теперь уже не могу. И с ней не могу тоже.
Мы пытались.

Прости за этот бред. Давай по порядку. Я всё-таки
Мы с чудовищем возвращались с выхода и
Мне придётся объяснить тебе всё с самого начала.

До сих пор ты знал общедоступную часть меня. Была ещё и тайная.
Я сама об этом не догадывалась, клянусь. Ты смотрел мне в голову, ты
знаешь.

Я вага Общества охотниц Вондерленда. Это организация, устраи-
вающая всякие парады и представления в честь Верховной. Во всяком
случае, так думают её ваги большую часть времени. На самом деле мы
занимаемся кое-чем ещё. Это называется «занятия», «тренировки» и «вы-
ходы». Не буду говорить, что мы делаем на выходах. Ничего хорошего,
в общем. Но это нужно Верховной. А чтобы мы не переживали из-за того,
что делаем, мы няшим друг друга, чтобы забыть. То есть внушить друг
другу, что всё случившееся — плохой сон. Мозг верит и записывает вос-
поминания, как сон. А потом естественный механизм затирает память
о сне. Остаются какие-то обрывки, но мы не придаём им значения.

Приём простой, но обманывает даже телепатов. Телепаты не ко-
паются в чужих снах. Это всё равно что спрятать мешочек с золотом
в помойке. Привязав к верёвочке. Если не знать про верёвочку, при-
дётся перерывать всю помойку. Копаться в помойке противно, туда
никто и не лезет. Но если знать, где верёвочка, можно потянуть и всё
вытащить. Верёвочка — это специальные слова. Если мы их слышим,
мы вспоминаем.

Как у нас всё устроено

Охотницы разбиты на боевые двойки. Пони в двойке подбираются
так, чтобы они друг другу симпатизировали. Как правило, кобылки в сла-
женной двойке — подруги, не отказывающие друг другу в

Ночь, кровь, адреналин. Всё это выплёскивается

После задания принято пить, чтобы снять стресс, и это обычно кончается сексом

Зачеркни, Фрида. Он сам догадается. И это тоже зачеркни. Глухая мышь:

Моей напарницей в двойке была Львика. И мы любили друг друга. Очень сильно. Как я тебя сейчас. Просто после выхода мы об этом забыли. Мы забывали даже, что знакомы.

Мне часто снилось, как будто я иду ночью по дороге, светит луна, а справа идёт другая пони, и она для меня дороже всего. Оказывается, мне это не снилось.

Меня разбудили на выход новогодней ночью. Это сделала Лэсси Рерих, она знает слова

е-Заглавной Буквы Слова

глухая мышь

пиши заново это зачеркни

Это сделала Лэсси Рерих, знавшая Слова. Она разбудила меня и Львику. И мы вспомнили всё. И теперь уже не забудем.

Помнишь, я тебе говорила про то, что у меня не получается с пони? Оказывается, это было из-за неё. Я не могу быть неверной. То есть могу, но не получаю от этого удовольствия. То есть получаю, но не могу достичь

И ещё эта детская история, как меня заняшили

всё это наложилось

Но когда ты меня увёз, у меня больше не было выходов. И меня отпустило. К тому же ты не пони и как бы не считаешься

ну то есть я так не думаю, я тебя взаправду люблю, но где-то на каком-то уровне это во мне есть, я же поняша

И я полюбила тебя. Всерьёз. И теперь могу быть только с тобой.

А теперь я вспомнила о Львике. Тоже всерьёз. И теперь могу быть только с ней.

Теперь я люблю вас обоих и не могу быть ни с кем!

Мы с Львикой занялись любовью, и я поняла, что не могу кончить

Я не могла с ней кончить, понимаешь? Ну как раньше с другими пони. Потому что я думала о тебе и чувствовала себя предательницей.

И с тобой я тоже не смогу. Будет хорошо, но я тоже буду чувствовать себя предательницей.

Самое обидное, что тебе и Львике это непонятно. Ты считаешь, что отношения между самками — это что-то несерьёзное. Львика про отношения с самцами то же самое думает. Вам обоим это не мешает. Но я-то знаю, что

Кстати, Львика — не дочь Верховной. Она

Я зову её чудовище. А она меня «сокровищ

Мне так плохо без тебя. Я без тебя больная. Я как сырая картонка под дождём. Львика говорит — расклеилась. Ну что-то вроде того.

Но я справлюсь.

Я всегда буду с тобой, даже если меня с тобой не будет. Я не оставлю тебя, даже если оставлю.

Прощай

Люблю тебя

Твоя глупая лошадь

Выкинь всю эту херню, Фрида

Ева Писториус — Львике Поклонской Софт-Пауэр. Частное письмо.

Черновик

Любимая,

Я не могу быть с тобой. Не спрашивай почему

Я не могу быть ни с кем. Так получилось.

Если нужны подробности, я всё написала Карабасу. Всю правду, кроме того, что ты не дочь

Я плохая

Я ужасная скотина

Я пизда с ушами

Блядь! Блядь! Блядь! Я не могу нормально объяснить простые вещи

Фрида, убери это

Я ухожу. Прощай.

Люблю тебя, и буду любить всегда

My pony and me

это про нас навсегда

My pony and me

My pony and me

My pony and me

Фрида, всё это выкинь

— И много она такого написала? — спросил Карабас, дочитав до конца. Вообще-то, ответ был у Львики в голове. Но он знал (оттуда же), что Львика не любит, когда ей смотрят в голову. И тем более, когда это демонстрируют. Поэтому Карабас проявил вежливость телепата — дождался ответа словами.

— Половина мусорки, — вздохнула Львика. — Она всю ночь эти письма писала. Потом всё выкинула и ушла. Лэсси рвёт и мечет, — добавила она.

Они расположились в Карабасовом гостиничном номере. Карабас восседал на белом кожаном диване, пони устроилась на ковре. Больше никого не было. Пьеро бежал, Напси погиб, Арлекин завёл себе состоятельного любовника и жил у него, предаваясь любимому пороку. Но раввин не особенно расстраивался: сейчас ему никто не был нужен. Кроме Евы Писториус. Вот её-то и не хватало больше всего.

Ева пропала третьего января. Львика проснулась и подруги не нашла. Не было также и мышей. Сначала она думала, что Писториус с утра пораньше ускакала по делам. Однако и вечером поняшка не вернулась. Львика улеглась спать у неё на работе, думая, что завтра проснётся рядом с ней.

Ночью Львику растолкала Лэсси — оказывается, большая стая джигурды прорвалась в Город, нужно срочно отработать. Евы всё ещё не было. Львика и Лэсси вдвоём кое-как справились, но сама по себе неявка напарницы на выход была чем-то из ряда вон выходящим. Львика предположила, что Ева у Карабаса и там предаётся любви, забыв о долге. Разъярённая Лэсси отправилась было к раввину, незаметно проникла в номер — и нашла бар Раббаса спящим на диване. И он был один, совсем один.

Выйти черепаха не смогла: раввин проснулся и парализовал Лэсси. Рерих, впрочем, не испугалась и предоставила Карабасу все необходимые объяснения в ментальном виде. Карабас её освободил, они поговорили, после чего раввин снялся с места и сам поехал на Пятницкую, разговаривать с Львикой. На Пятницкой его встретил неприветливый охранник и запертый на ключ кабинет. Экспресс-осмотр голов сотрудников выявил следующее: Львика здесь была, потом куда-то ушла. Причём ушла в разстроенных чувствах.

Карабас встревожился уже всерьёз. Исчезновение обеих поняш могло быть делом чьих-то рук, лап или хелицер. Он отправил бэтмена к Лэсси. Та ответила, что сейчас она задействовала свою агентурную сеть и ждёт результатов. Раввин немного успокоился: он понимал, что Лэсси — профи. Тогда он решил подождать до вечера, а сам занялся своим основным делом. То есть поисками пропавшего доктора Карло Коллоди.

К сожалению, его усилия никак не давали результата. Всё, что удалось выяснить — что доктор был направлен непонятно куда личным решением Нефритового Сокровища, ныне покойного. Что-то, наверное, знал бывший губернатор Пендельшванц. Но он исчез с концами: никто и понятия не имел, куда он смылся. Карабас пересёкся и с Лэсси Рерих (тогда — в первый раз) и убедился, что в её голову стучаться бесполезно — она была очень сильной менталисткой и всё время держалась настороже.

Однако же раввин разведал — подпоив институтского завхоза-дикара, на которого вышел благодаря свержку, — что за пять дней до смерти Семнадцать Дюймов подписал выдачу третьим лицам ценнейшего дохомокостного оборудования. На вопрос, кому оно предназначено, цилинь буркнул — «в экспедицию». Больше ничего завхоз не знал, но это была хоть какая-то зацепка.

На четвёртое января Карабас наметил несколько встреч с разными существами. Отменять он ничего не стал, все randevu провёл. Результатов было ноль. Карабас плюнул и поехал в участок к Тамбовскому. Какогого и припряг искать пропавших поняш.

После эпического провала с Пьеро Карабас решил, что Тамбовский ему должен по жизни. Тамбовскому такой постанов категорически не нравился, но Карабас умел убеждать. Так что волчара, *судьбу свою хуя и бля*, задействовал своих доносчиков. И, как ни странно, оказался успешнее Лэсси. Какой-то мелкий сучильш-пыщеклюзик стукнул, что в питейном заведении «Зацапа и Пастекваска» видели поняшу с лвиным хвостом. Тамбовский послал Карабасу бэтмена. Раввин поспешил в бар. И Львику нашёл. Пьяную, в порванной попонке, рыдающую у стойки. Львика не давала себя увезти и даже попыталась его някнуть. Карабас оказался сильнее и принудил идти с собой. Привёз в номер, заставил проблеваться, а потом устроил ей ускоренную детоксикацию, форсировав выработку алкогольдегидрогеназы и альдегиддегидрогеназы, с добавлением серотонина. Девушка пришла в себя. После чего сказала, что Ева, оказывается, бросила их обоих и ушла навсегда. И показала Карабасу бумажки, извлечённые из Евиной мусорной корзины.

— Всё-таки это очень странно, — сказал Карабас, откладывая в сторону оба письма. — Насколько я знаю Еву, она не легкомысленная. У неё есть чувство долга. Она могла расстаться со мной или с вами — в личном плане. Но оставить вас наедине с электоратом? Это на неё не похоже.

— Вот и я тоже так думала, — грустно сказала Львика. — Скобейда, голова раскалывается... У вас тут нет ничего? В смысле — ну чего-нибудь? — Она подняла глаза на раввина.

— Да понял я, понял, — сказал Карабас, вставая. — Сейчас принесу.

— Как, холодненькое? — Львика вытянула шею.

— Нормальное, — буркнул раввин, доставая пиво из холодильника. — Ничего, если в кастрюлю налью? Полоскательницы у меня нет.

— Да я и так могу, — сказала поняша, открывая зубами пробку.

— Полегчало? — осведомился Карабас, наливая себе в кружку.

— Уффффф. Что-то я перебрала, — самокритично заметила Львика, слизывая пену с губ. — Я всё думаю, куда она могла пойти.

— А что там с кровью? — спросил Карабас.

Львика посмотрела на него с неудовольствием.

— Я знаю, что вы телепат, — сказала она. — И мне это не очень-то нравится.

— Уж простите, — повинился Карабас. — Но я беспокоюсь.

— А я тут что, хвостом машу и песни пою? — огрызнулась поняша.

— Какая-то песня у вас в голове вертится, — заметил раввин. — My pony and me, вот это.

— А, песня... Ну да, песня. Давайте лучше про кровь. На полу были пятнышки. Засохшие. Я не эмпат, но на красное вино это было не похоже. Вот я и думаю. У неё тяжёлое детство было, вы же знаете. Может, сокро... — она осеклась.

— Сокровище, — договорил раввин. — Вы же её так зовёте?

— Тогда вы и про чудовище знаете? — подозрительно спросила пони.

— Ну в общем да, — признал Карабас. — Сразу говорю: меня эти дела не касаются. Так что давайте договоримся так. Найтмер Блэкмун — легендарный персонаж эквестрийской истории. Вы к нему никакого отношения не имеете. Для меня вы — дочь Верховной Обаятельности. Всё.

— М-м-м... ну и хорошо. — В голосе Львики, однако, проскользнуло разочарование. — Ну вот я и думаю: может, она... ну это самое?

— Насчёт суицида — вряд ли... — протянул раввин. — Хотя... О дьявол! Ну конечно!

— О кто? — не поняла поняша.

Карабас вытянул руку и сделал жест, призывающий к молчанию. Закрыв глаза и просидел так минуты три.

— Львика, извините за нескромную просьбу, — наконец сказал он. — Вы не могли бы припомнить последнюю близость с Евой? Это может быть важным.

Поняша закрыла глаза, хвост её нервно задёргался.

— Понятно, — сказал раввин. — Значит, в тот момент вы были не трезвы?

— Мы обе набрались, — самокритично сказала Львика.

— И к тому же вы были простужены? Вы чувствовали Евин запах? Нет? Или всё-таки что-то было? Кровью не пахло?

Львика неожиданно сильно стукнула себя хвостом по бедру.

— Скобейда! — сказала она досадливо. — У неё же *эти дела*... Когда у неё последний раз было...

— Семнадцатого октября, — Карабас провёл рукой по бороде, вспоминая. — У Евы очень сильно болел живот. Я её лечил.

— А цикл у неё сорок четыре дня, — оживилась Львика. — Сорок четыре — сорок пять, вот как-то так. Это я точно помню. Но вообще-то у неё за неделю начинается, — вспомнила она. — Я бы заметила.

— Уже не начинается, — ухмыльнулся раввин. — Я её от этого вылечил. Сорок четыре дня... Вроде на Новый год выпадает. Но всякие стрессы плюс моё лечение...

— То есть у неё что, ПМС? — догадалась наконец Львика.

— Не только, — Карабас задумчиво накручивал пейс на палец. — Хотя и это тоже. Отсюда истерика и кровь на полу. Но это ничего не объясняет. Куда она могла деваться?

— Так значит, месячные... Аптека! — Львика вскочила. — Она точно была в какой-то аптеке. Она же панацин хапками жрёт. И тампоны! Бантик! Ко мне! Быстро! Вы не могли бы меня одеть?

Карабас накиннул на поняшу попонку, водрузил на себя шляпу и устремился вперёд.

На улице они наткнулись на Лэсси с двумя бэтменами на плечах. Тратить время на разговоры не стали: черепаха быстро прокрутила в голове всю информацию на текущий момент. Её было немного. Поиски ничего

не дали. Поняши не было нигде — даже в полиции. Маленькая лошадка как сквозь землю провалилась.

Идею насчёт аптеки Лэсси восприняла сразу и тут же отправила бэтменов с указаниями. После чего все трое, не тратя времени, пошли в ближайший аптекарский киоск.

Нужное место обнаружили через час. Нашёлся свидетель, который видел поняшу на Немалой Бронной. Там находилась аптека «Біла кішка», недавно открытая семейством упырей-гомеопатов, съехавших из Зоны поближе к цивилизации. Известна была аптека богатым ассортиментом всяких средств от кровотечения, обезболивающими травками и огромным набором тампонов, прокладок и менструальных чашечек. О чём Лэсси известил бэтмен.

Черепаша тормознула тарантас, щёлкнула зубами перед носом кучера и сама заняла его место. Першероны несли молча и быстро. Карабас волновался, кусал бороду. Львика нервно стучала хвостом о доски.

«Біла кішка» оказалась уютным двухэтажным домиком, крытым черепицей. Внутри было всё как обычно в аптеке — вертящиеся этажерки со скляночками, длинные полки с посудой диковинного вида, а также длинный прилавок. За прилавком стоял молодой чернявый упырь в вышитой рубахе и трепался с маммиллярией в глиняном горшке. Маммиллярия жаловалась на погоду и выпрашивала себе эмалированную вазу.

Лэсси бросилась к прилавку, посмотрела на маммиллярию со значением (та заткнулась) и спросила у упыря, видел ли он здесь поняшу.

— Яка така поняша? — нарочито медленно, как бы сплёвывая слова, загундосил упырь. — Мы таких не знаемо...

Тут он внезапно выпучил глаза и захрипел: это Карабас, ознакомившись с содержимым его башки, передал ему дыхалку.

— Они её похитили. Туда, — быстро проговорил он, показывая на занавешенный угол зала. И бросился первым.

Там скрывалась лестница, ведущая на второй этаж.

Верхняя комната была тёмной и неуютной. Окно закрывала простыня, сквозь которую едва-едва пробивались солнечные лучи. Остро пахло нашатырным спиртом, ландышевыми каплями и кровью.

Среди поломанной мебели на джутовом матрасе лежала Ева. На голове у неё был полотняный мешок со свисающими тесёмочками, передние ноги замотаны верёвкой, а рядом с ней пристроился белый как лунь старик-упырь. Кровососущий орган его находился у поняши под хвостом.

На полу валялся мелко подрагивающий узелок — видимо, с Евиними мышами.

Услышав шум, старик хлюпнул кровососью и оглянулся. Увидел Лэсси с открытой пастью, надвигающегося Карабаса и в ужасе заголосил на упырином:

— Ни! Ни! Я ничего не робыв! Всего лише килька крапель! Килька крапель!

Карабас склонился над Евой. Она была жива, ровно дышала — но спала.

— Что вы ей дали? — почти спокойно спросил раввин. Но в голосе у него прозвучало такое, от чего старый упырь забился в угол и сказал нечто вроде «ва-ва-ва». Раввин, однако ж, понял — поскольку смотрел сквозь голову.

— Снотворное, — сообщил Карабас. — Какой-то новый препарат. Думает, что антидота к нему нет.

— Посмотрим, — сквозь зубы сказала Лэсси, освобождая Еву от пут. Львика, с трудом забравшаяся по узкой лесенке, очумело вертела головой.

— Что они с ней сделали? — наконец спросила она.

— Усыпили. Гурман хуев, — зло, но уже без ярости ответил раввин, кивая на съёжившегося старикашку. — Еву отнесём вниз, а там разберёмся.

Насчёт «отнесём» Карабас погорячился. Спящая поняша дёргалась и лягалась. В конце концов раввин взял Еву на руки и осторожно спустился на первый этаж. Львика и Лэсси спустились следом, гоня перед собой дедушку-упыря.

На первом этаже молодой смог продышаться и прийти в себя. Он сидел на полу, массируя горло. Маммиллярка орала и требовала, чтобы он немедленно вызвал полицию. Карабас взял горшок с брехливым растением и метнул в угол. Горшок разбился, кактус поломался. Зато стало тихо.

— Рассказывайте всё, тварюки суклатыжие, — сказал раввин, выкручивая старику шупло. Молодого он просто отоварил по рёбрам.

Упыри разрыдались и заговорили.

Выяснилось вот что. Аптекарская семейка, помимо легального бизнеса, занималась ещё и тайным. А именно — выполняла заказы разного рода кровососущих существ. Кровь упыри добывали из клиентов аптеки, под видом экспресс-анализов и целебных кровопусканий. Основными покупателями были инсекты, нетопыри, росянки, зяблики и венерины мухоловки. В «Кішке» можно было заказать и получить практически всё — начиная от венозной крови отарка и кончая менстрой юной профурсетки. Дело было только в деньгах и времени.

Менструальная кровь ценилась особенно. Ароматная, тёмная, не-свёртывающаяся, богатая ферментами жидкость считалась среди кровососов редким деликатесом. Продавали её чуть ли не по каплям. Неудивительно, что по этой тематике упыри специализировались особо. Владелец заведения и сам обожал менстру — по какой-то причине охотно лечил самок от чрезмерных кровотечений старинным народным методом отсасывания. Некоторым это нравилось.

Когда в магазин пришла Ева, старикашка чуть с ума не сошёл — так волшебным от неё пахло. В другое время он бы её, наверное, как-нибудь

уговорил. Но Писториус была в очень скверном настроении и никакие намёки на «проверенные народные методы» на неё не действовали. Упыряка аж угорел по ней. И пошёл на преступление. Не в силах расстаться с источником волшебного нектара, он заварил ей успокаивающего чая, в который вбухал нехилую дозу новомодного снотворного. Дозу он не рассчитал: поняша не просто заснула, а буквально слетела с копыт. Упырь волноваться по этому поводу не стал, а отнёс лошадку наверх — посасывать её писечку. Что будет, когда Ева проснётся — или когда её найдут, — он даже и не подумал, настолько его пропёрло.

— Ну зрозумийте ж, — убеждал он Карабаса, потрясая кровососью. — Який дивный напиток! Скільки млости! Яка консистенція! Я ж тонкий шанувальник! Я б ніколи собі не пробачив би! Який же колир! Який аромат! Який смак! Це неописуемо!

Карабас слушал эти излияния без сочувствия. Старик со своими восторгами был жалок, смешон и некошерен. К тому же он посягнул на любимое Карабасом существо. Он переглянулся с Лэсси и обменялся с ней парой мыслей. После чего встал и сказал, что они с Львиной сейчас привезут спящую поняшу на Пятницкую, а там будут ждать, пока она проснётся. На прощание он пожелал черепашке приятного аппетита.

Успокоившаяся Львица отправилась по делам. Вернувшись — уже затемно, — она обнаружила Карабаса, устроившегося на полу возле спящей Евы и тихонько подрёмывающего. Пейсы свисали на грудь, из бороды раздавалось побулькивание — какое бывает, когда крупный мужчина спит в неудобной позе.

«Бедненький», — невольно подумалось Львике.

Наставление о женской жалости

Воистину, страшна женская жалость, даже невольная! И более того, невольная — она-то самая опасная и есть! Остерегаются её даже ангелы ада, не говоря уже о существах менее замечательных — то есть богomoлах, коацерватах, протонах, нейронах, забонах и мунафиках, а также и всяких прочих разных. Ибо всё сущее ведаёт: сначала баба тебя жалеет, потом кормит, потом обогревает, потом поебушечки, а потом у тебя трое детей, ипотека и холодный борщ вместо стейка и компот из айвы вместо бургундского вина. А крыла твои ангельские аккуратно ампутированы, ошипаны и намертво вмаринованы в известковый уксус. Ах! — для того ли ты жил? Ой что? Не для того, говоришь ты теперь? Вот то-то и оно-то! И это ведь ещё не самый плохой вариант! А в плохом варианте — ты лежишь с разбитым черепом в канаве, а твои мёртвые глаза кто-нибудь выклёвывает. Или выедаёт.

Содержание

Действие сорок первое. <i>Deus ex machina</i> , или Буратина спасается от верной гибели и ненадолго обретает кусочек счастья	7
Действие сорок второе. Сарбакан, или Алиса в смущении созерцает Не Что Иное, а также множество других занятных вещей и явлений	16
Действие сорок третье. Амарилло, или Древняя электроника терпит поражение от ласковых глаз	28
Действие сорок четвёртое. Маскарон, или Арлекин случайно узнаёт нечто важное — но напрасно, напрасно	43
Действие сорок пятое. Кисон, или Базилио, созерцает грядущее, однако остаётся в недоумении.	53
Действие сорок шестое. Эйдол, или Судьба Буратины меняется в лучшую сторону, хотя и не так чтоб очень	64
Действие сорок седьмое. Жапризо, или Карабас узнаёт плохую новость, а потом рассказывает, что же именно передаётся через митохондриальную ДНК	75
Действие сорок восьмое. Купорос, или Буратина получает свой урок	86
Действие сорок девятое. Козлодаразина, или Происходит именно то, чего и следовало ожидать.	93
Интроспекция учёная. Да, он у меня шевелится.	102
Действие пятидесятое. Гипандрий, или Наши герои воссоединяются самым чудесным образом.	108
Действие пятьдесят первое. Митрофанна, или Пьеро совершает нечто великое, даже не особо-то и напрягаясь	119
Действие пятьдесят второе. Портшез, или Буратина безобразничает, но пока что без особых последствий	126
Действие пятьдесят третье. Что-нить, или Снова происходит именно то, чего и следовало ожидать.	137
Действие пятьдесят четвёртое. Бася, или Алиса исчезает	143
Действие пятьдесят пятое. Бариста, или Интеллектуал проникается интересами Отечества	149

Действие пятьдесят четвёртое, reverse side. Алиса исчезает, или Переучёт	162
Действие пятьдесят шестое. Баззер, или Не жужжит и не лезет	168
Действие пятьдесят седьмое. Селяви, или Алиса внезапно лишается всего нажитого непосильным трудом.	190
Интроспекция обоюдная. ТЯФ!	202
Действие пятьдесят седьмое (окончание).	210
Действие пятьдесят восьмое. Бодипозитив, или Карabas начинает путешествие и сразу же обогащается	213
Действие пятьдесят девятое. Гиперакузия, или Полковник ошибается и тогда, и сейчас	226
Действие шестидесятое. Улучшайзе, или Алиса спасается, не сходя с места	242
Действие шестьдесят первое. Натюрель, или Интеллектуал проникается интересами Отечества целиком и полностью	261
Действие шестьдесят второе. Даймон, или Базилио открывает незнакомцу то, о чём не поведал возлюбленной Алисе.	282
Действие шестьдесят третье. Казус, или Полицейский чин знакомится с новыми — а на самом деле старыми — технологиями	293
Действие шестьдесят четвёртое. Ддда, или Существование Буратины признано ошибочным и бесперспективным	301
Действие шестьдесят пятое. Микрофильм, или Буратина не тонет и не пидор	306
Действие шестьдесят шестое. Устинов, или Наш герой пытается вздохнуть, но безуспешно	317
Действие шестьдесят седьмое. Наглазадра, или Умное чаепитие.	332
Действие шестьдесят восьмое. Нееет, или Базилио бросается сначала вперёд, а потом — назад	349
Бездействие насладительное. Бесконечно воцариться над всем	358
Действие шестьдесят девятое. Какжетаки, или Два уважаемых существа договариваются работать по-новому	363
Действие семидесятое. Ашкеназы, или Буратину пытаются подвергнуть анальной оккупации	371
Действие семьдесят первое. XXL, или Нас не догонят	384
Действие семьдесят второе. Энурез, или Интересное предложение, хоть и рискованное	396
Действие семьдесят третье. Декапитация, или Буратина попадает в некое место, кое служит ему прибежищем, и узнаёт великую тайну.	408
Действие семьдесят четвёртое и последнее. Эпилог, или Добрая дорога	438

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ

«Золотой ключ, или Похождения Буратины»

Роман Михаила Харитонова носит подзаголовок «нечеловеческая комедия» — и действительно, замысел «Золотого ключа» сопоставим по масштабу и с романным циклом Бальзака, и с великой «Комедией» Данте (которую, как известно, божественной назвали лишь спустя время потомки).

Перед вами книга увлекательная, легкая, гомерически смешная, раблезиански неумеренная, злободневная, философская, провокационная, переступающая через все табу и нарушающая все мыслимые границы — словом, именно такая, какими только и бывают книги поистине великие.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

УПЫРЬ ЛИХОЙ
«Славянские отаку»

Новый роман Упыря Лихого посвящен субкультуре поклонников японских комиксов и мультипликации — так называемых манги и аниме. Побег, который совершают главные герои книги, от серой и грубой действительности — в яркий мир рисованных персонажей, оборачивается для них в конечном счете жизненным тупиком.

Самый бескомпромиссный сатирик современной русской литературы раскрывает в «Славянских отаку» трагическую грань своего таланта.

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

СЕРГЕЙ НОСОВ
«Морковку нож не берет»

Сергей Носов известен читающей публике по романам «Член общества, или Голодное время», «Франсуаза, или Путь к леднику», «Фигурные скобки» и многим другим, а также по многочисленным сборникам рассказов и книгам из серии «Тайная жизнь петербургских памятников». Но помимо всего этого в театрах по всей стране идут спектакли по пьесам Носова — ничуть не менее искрометным и остроумным, чем его проза. И читать эти пьесы — одно сплошное удовольствие.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ВИКТОР ТОПОРОВ

«Двойное дно»

Воспоминания В. Л. Топорова (1946–2013) — знаменитого переводчика и публициста — посвящены в основном литературной жизни позднего СССР. В объектив мемуариста попадают десятки фигур современников от Бродского до Собчака — но главная ценность этой книги в другом. Она представляет собой панорамный портрет эпохи, написанный человеком выдающегося ума, уникальной эрудиции и беспримерного остроумия. Именно это делает «Двойное дно» одной из лучших мемуарных книг конца XX века.

Интернет-магазин gorodets.ru

Литературно-художественное издание

Михаил Харитонов

Золотой ключ, или Похождения Буратины
Книга 2. Золото твоих глаз, небо ее кудрей. Часть 2.

18+

*В тексте сохранены особенности авторской орфографии
и пунктуации*

Художественный редактор *Павел Лосев*
Редактор *Аглая Топорова*
Корректор *Антонина Семенова*
Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 31.10.2019. Формат 60 x 90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 28. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО ИД «Городец-Флюид»
105318, г. Москва, ул. Ибрагимова, д. 31, корп. 4 А
тел.: (985) 8000 366
www.gorodets.ru
e-mail: info@gorodets.ru, levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

La Comédie inhumaine

Во второй книге «нечеловеческой комедии» Михаила Харитоновна продолжаются приключения полюбившихся читателю героев, однако обстоятельства осложняются охватывающими героев страстями. Карабас бар Раббас сходится с прекрасной поняшей, электрический кот четвёртой модификации Базилио Супермарио КроссOVERO переживает сложное и в чём-то безысходное чувство к Алисе, крокозитроп Розан Васильевич ищет способ продлить свой род... Также вторая книга знакомит читателя с цивилизацией и философией рыбонов, объясняет, наконец, как работает *тентура* и какую зловещую роль в событиях саги играет полковник Барсуков.

ГОРОДЕЦ

ФЛЮИД

www.gorodets.ru

